

Александр Мень

Книга надежды. Лекции о Библии

«Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Меня»

2011

УДК 2
ББК 86

Мень А.

Книга надежды. Лекции о Библии / А. Мень — «Гуманитарно-благотворительный фонд имени Александра Менья», 2011

ISBN 978-978-5-90361-4

Сборник составлен из лекций прот. Александра Менья: цикл «Беседы о Библии», «О переводах Библии» (публикуется впервые) и двух лекций о христианстве. Сборник будет интересен всем, кто хочет узнать, о чем говорит нам Библия.

УДК 2
ББК 86

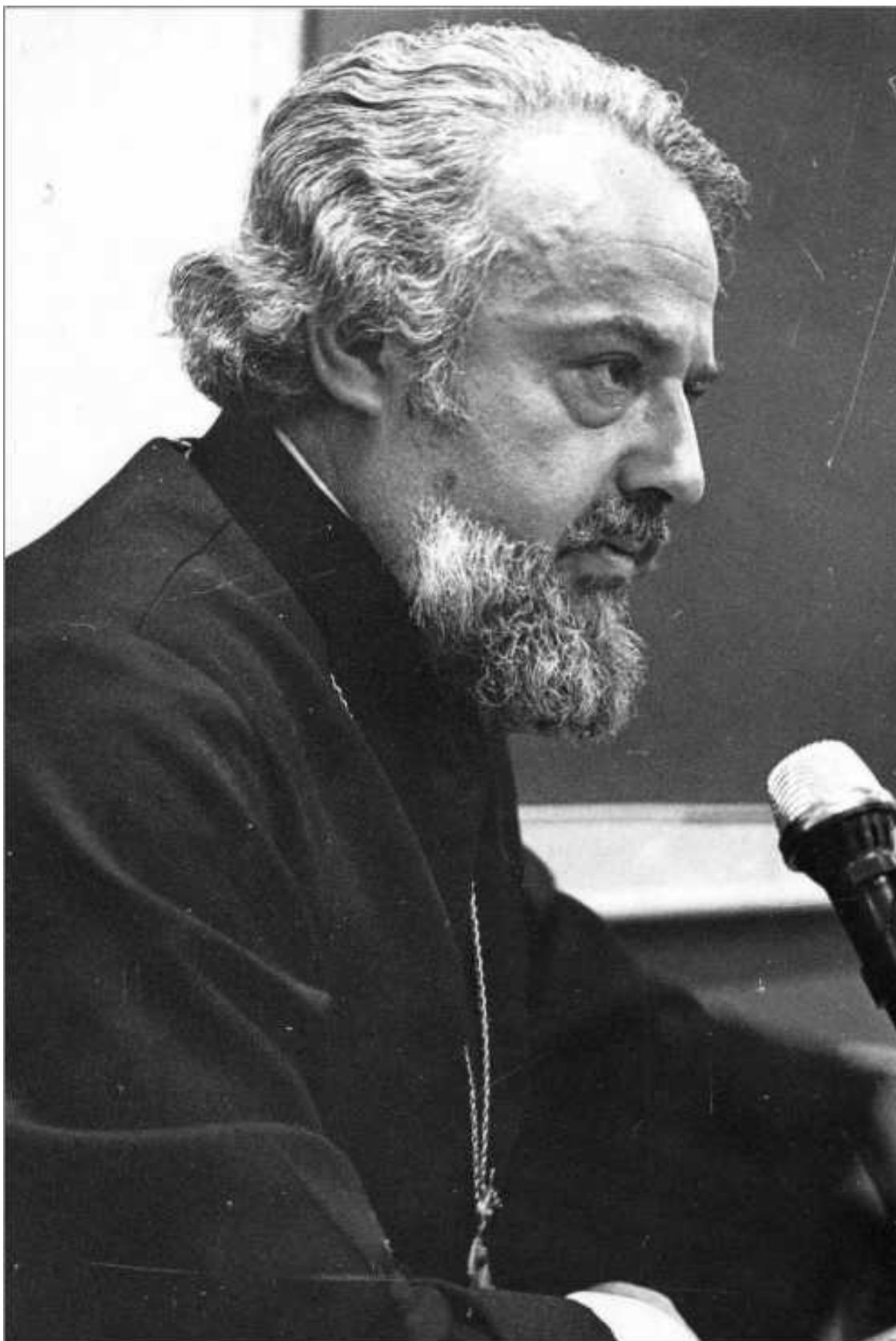
ISBN 978-978-5-90361-4

© Мень А., 2011
© Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Менья, 2011

Содержание

Шестоднев	8
Пролог Книги Бытия	21
Книга надежды. Пророки	28
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Протоиерей Александр Мень Книга надежды. Лекции о Библии

Протоиерей Александр Мень

Роза Адамяни, Наталия Вторушина Наталия Григоренко, Павел Мень

Микеланджело. Сотворение Адама. *Около 1115 г.*

Шестоднев

Наверное, не всем из вас знакомо слово «шестоднев». Между тем, это странное, я бы сказал, древнее понятие, которое появилось полторы тысячи лет тому назад. Оно условно обозначает сказание первой книги Библии, Ветхозаветной Книги Бытия о сотворении мира. Разумеется, теперь уже вы все понимаете, что слышали о *шести днях творения*.

Вы могли видеть, как эти дни воплощены на знаменитых фресках и иконах или хотя бы на репродукциях. О шести днях творения напоминает плафон Сикстинской капеллы, где Микеланджело изображает Творца мощным старцем, который пронесется над мирозданием, отделяя тьму от света, создавая сушу, живые существа и звезды.

Вы также, наверное, не раз читали и слышали насмешливые, иронические и скептические замечания по поводу столь короткого, можно сказать, процесса создания Вселенной, всего лишь за одну рабочую неделю. Конечно, многим из вас, почти всем, приходилось слышать, что это сказание – Гексамерон, Шестоднев – находится в полном противоречии с известными нам данными науки.

Вокруг Шестоднева уже давно велись идейные сражения, неоднократно этот рассказ подвергался всевозможным атакам с различных сторон. И вот сегодня мы рассмотрим это фундаментальное сказание Библии с точки зрения истории культуры, с точки зрения того, какую роль оно играло и в чем заключается его смысл.

Итак, наука. В течение многих столетий она обращалась к этой тайне так, как она изложена в Библии. Ранняя наука Средневековья пыталась найти в этом рассказе какие-то точные данные о процессе геогенеза, то есть происхождения Земли, о процессе космогенеза – происхождения Космоса.

Вначале эти попытки были робкими, потому что естествознание того времени делало первые шаги. Например, Василий Великий, известный христианский богослов, отец Церкви IV века, соединил схему этого сказания с данными, которые он почерпнул в естествознании тогдашнего мира, то есть в книгах Плиния Старшего, в книгах Аристотеля, Теофраста и других естествоиспытателей греко-римского мира. Но постепенно, к эпохе Возрождения, становится все более ясно, что данные естествознания в этом сказании не отражены.

В чем же дело? Значит, либо не право естествознание, либо не прав тот, кто писал строки Шестоднева, либо... и тут самый важный вопрос повисал в воздухе. Надо сказать: вот это упрощенное «либо-либо» популярно в сознании и теперь. Я хотел бы вам показать, что вопрос вовсе не решается таким образом. Сравнение здесь должно идти не по линии науки.

Тот древний священный автор, который начертал эти первые строки Библии, отнюдь не собиравшись дать людям что-то вроде пособия по космологии или палеонтологии. Он был учителем жизни, учителем веры, носителем определенного мировоззрения. Причем, надо сказать, что для него это было нечто совершенно особенное, и сейчас я вам об этом расскажу.

Мы должны сравнивать этот рассказ не с наукой нашего XX века или XIX века, не с системами Коперника или Птолемея или с современной космологией, развивающейся в свете теории относительности и понятия об эволюции звездных систем, а с древними учениями о мироздании. Все эти учения исходят из того, что человек наблюдал всегда.

Он наблюдал смену зимы и лета, восход и заход солнца – человек видел устойчивость во всем. И поэтому для него представление о природе было неотделимо от представления о высшей предельной Реальности. Иными словами, природа и Божественное были для язычников чем-то единым, они не отличались друг от друга, и поэтому происходящие в природе процессы были для язычника Божественными.

Природа и ее явления рождались из недр вечного Божественного Начала, рождались, как из лона некой Матери-Природы, в которой слито и духовное, и физическое. Иногда это

принимало форму такого воинственного мифа: борьба между светом и тьмой, между хаосом и порядком.

В древней Вавилонии на стороне хаоса выступает гигантское чудовище Молох, Дракон.

Бог Солнца и весеннего света, вавилонский бог Мардук побеждает это чудовище, опутывая его сетью, разрывая исполинское тело на части и из них создавая себе и другим богам жилище, и это жилище образует Вселенную. И в этой Вселенной появляется человек, созданный из глины и крови Божества для того, чтобы кормить богов и работать на них. Человек появляется лишь как часть этой картины, исполняя служебную роль в космической борьбе.

В других моделях космогенеза Вселенная рождается из недр Первобожества, Первоокеана, как рождается дитя из чрева матери или как (принимая старинную индийскую метафору) вытекает паутина из паука. То есть созданная Природа и Высшее Начало – единосущны, они представляют собой нечто по существу единое. Вселенная не творится, она рождается...

В индийских сказаниях, в различных мифах древних египтян мы всюду встречаем борьбу между светом и мраком, между хаосом и порядком и рождение в Вечном Бытии, в Вечном Божественном Океане острова Жизни. Он рождается для того, чтобы никогда не измениться, рождается совершенным, но потом когда-то все это должно быть истреблено. Как кончается лето, как кончается день закатными лучами солнца, как кончается жизнь растения, жизнь животного, жизнь человека, так должна закончиться и Вселенная, и должен начаться новый цикл. И так, в беспредельности времени и пространства, вращается все, не имея ни цели, ни смысла. Таково основное мироощущение язычества.

Я уже говорил вам, что это мироощущение подсказано сопереживанием с природой, глубокой связью человека с природными циклами. Да, все неизменно, как неизменны фазы Луны и приливы океана, и все, в конце концов, кончается, чтобы уступить место повторению этих циклов.

В различных мировоззрениях мы находим либо огромные периоды в сотни тысяч, миллионы лет – кальпы, юги¹ в индийской мифологии, либо Великий Год, который мы находим в вавилонских представлениях. Так, в греческих представлениях Великий Год – это неизменное огромное колесо времени, которое вращается таким образом, чтобы все вернулось на свои места.

В прошлом веке именно это устрашающее видение захватило Фридриха Ницше, великого мыслителя и великого безумца: ему казалось, что здесь истина, потому что все повторяется в этом бессмысленно вращающемся мире. И в самом деле, реальность окружающей человека природы была такова – она была циклична, в сущности, она была статична. Человек никогда не наблюдал развития из низшего к высшему в большом масштабе, он видел только кружение как бы на месте.

И вот на этом фоне библейское учение о мироздании появляется как совершенно иное, глубоко отличное, принципиально отличное от языческого мирозерцания. И если языческие космогонии создавались в рамках великих цивилизаций Китая, Индии, Древней Греции, Вавилона, Египта, Ирана, то библейское мировоззрение, библейское восприятие мира создавалось в ничтожной, маленькой цивилизации, которую едва можно было рассмотреть на карте древнего мира. В истории внешней цивилизации она играла, казалось бы, весьма незначительную роль и не могла похвастаться достижениями, какими гордился античный и классический восточный мир.

Мы не знаем, кто написал на древнееврейском языке первые строки Библии, которые звучат как великая и вечная поэма.

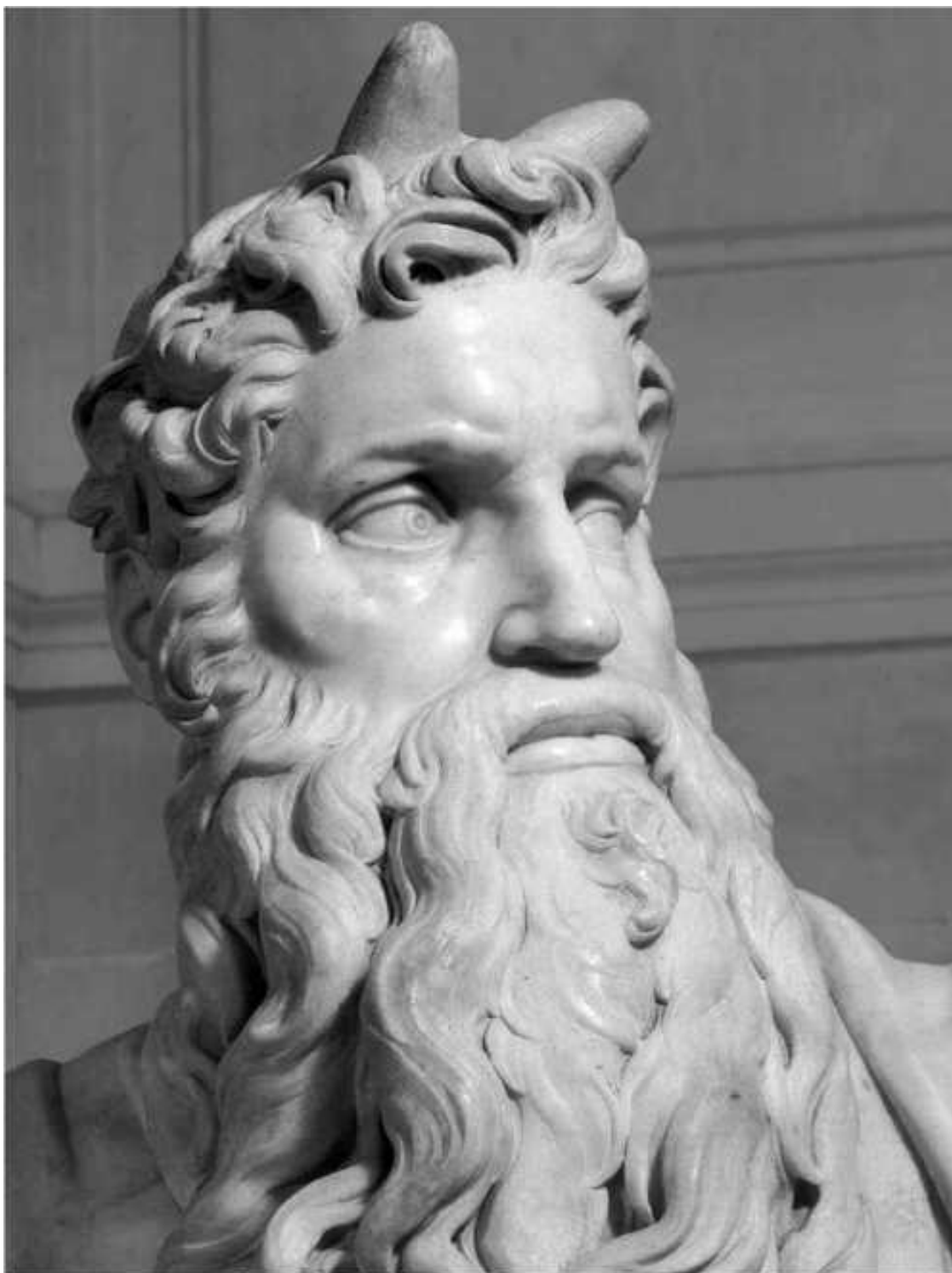
¹ Кálпа, или кальпа (санскр. «порядок», «закон») – единица измерения времени в индуизме, «день Брахмы», продолжающийся 4,32 миллиарда лет. Юга (санскр. букв. «пара») – в космологии индуизма – мировой век, восьмидесятилетняя часть кальпы.

«В начале сотворил Бог небо и землю»². Заметьте, здесь нет ни предвечной бездны, ни предшествующей Божеству материи. Нет ничего: нет борьбы богов, чудовищ, титанов – только один Творец, который творит Своим Словом.

«И сказал Бог: да будет свет»³. Не делает, не конструирует, не монтирует, а только говорит. И, конечно, те, кто писал эти строки, прекрасно понимали, что Бог не говорит, как человек, а что это единственно возможный, антропоморфный, человеческий, человекоподобный способ передать воздействие Божественного Разума на бытие.

² Быт 1, 1.

³ Быт 1, 3.

Микеланджело. Моисей. *С 1513 по 1515 гг.*

Предание приписывает эти строки Моисею. Мы не знаем, в какой степени это отражает действительность. И хотя эти строки были записаны значительно позднее, чем жил Моисей, печать пастушеского древнего быта они сохраняют. Например, счет начинается с вечера: «И был вечер, и было утро: день первый». Вечер вначале, для кого это? Для пастуха, который ночью под звездами, в ночную прохладу пасет своих овец, для странника, для путника, который где-нибудь в тени переживает период жары. Это традиция, которая восходит к древнему пророку Моисею, жившему за тринадцать столетий до нашей эры, очень долго существовала в

обкатанной устной форме и, вероятно, была записана между VIII и VI веками до нашей эры. Но не в этом суть. А суть в том, что этот рассказ точно передает библейское учение о мироздании. Есть единственная Первопричина бытия – вот о чем говорит Шестоднев.

Следующее: эта Первопричина является космическим Разумом, который обладает личностным характером. Потому что там есть такие слова: «И увидел Бог, что это хорошо». Увидеть и оценить может только личность. Я повторяю: тот, кто писал эти строки, прекрасно знал, что у Божественного Начала нет глаз, которыми Он мог видеть, и он использовал эти антропоморфные выражения для того, чтобы подчеркнуть личностный характер Высшего Начала.

Не Абсолют, не Предвечная Бездна, не холодный Первопринцип, который движет миром, а Личностное Начало, к Которому человек может обратиться и Которое говорит человеку

И далее: если это Начало столь всемогуще, что Оно из небытия рождает бытие, то, быть может, для Него достаточно было одного этого таинственного мистического Слова, чтобы возник мир в один миг – готовый? Ничего подобного мы не видим. Мы находим там поэтапное осуществление мироздания.

Вот эта Шестодневная неделя, до последнего завершающего дня субботы, она протягивает нить от низшего к высшему. Причем речь идет о трех этапах, а не о шести. Здесь строится сложный литературный орнамент. К сожалению, я не могу здесь показать, но в каждом дне Творения есть набор рефренов: «и сказал Бог», «и увидел Бог», «и стало так» и так далее.

Если сравнить эти рефрены по линии шести дней, мы увидим, что идет очень тонкая переключка. Она создает прямо зрительный узор, который я мог бы на доске здесь начертить. Зачем это нужно? Чтобы показать читателю, слушателю, что речь идет не об адекватном, научном, как бы мы сказали, точноописательном характере текста, а о высокой священной поэзии, которая должна передавать самую суть явления, а не его конкретные детали. Это есть учение о начале мира и о смысле мира.

Бог – архитектор мира. Французская миниатюра. XIII в.

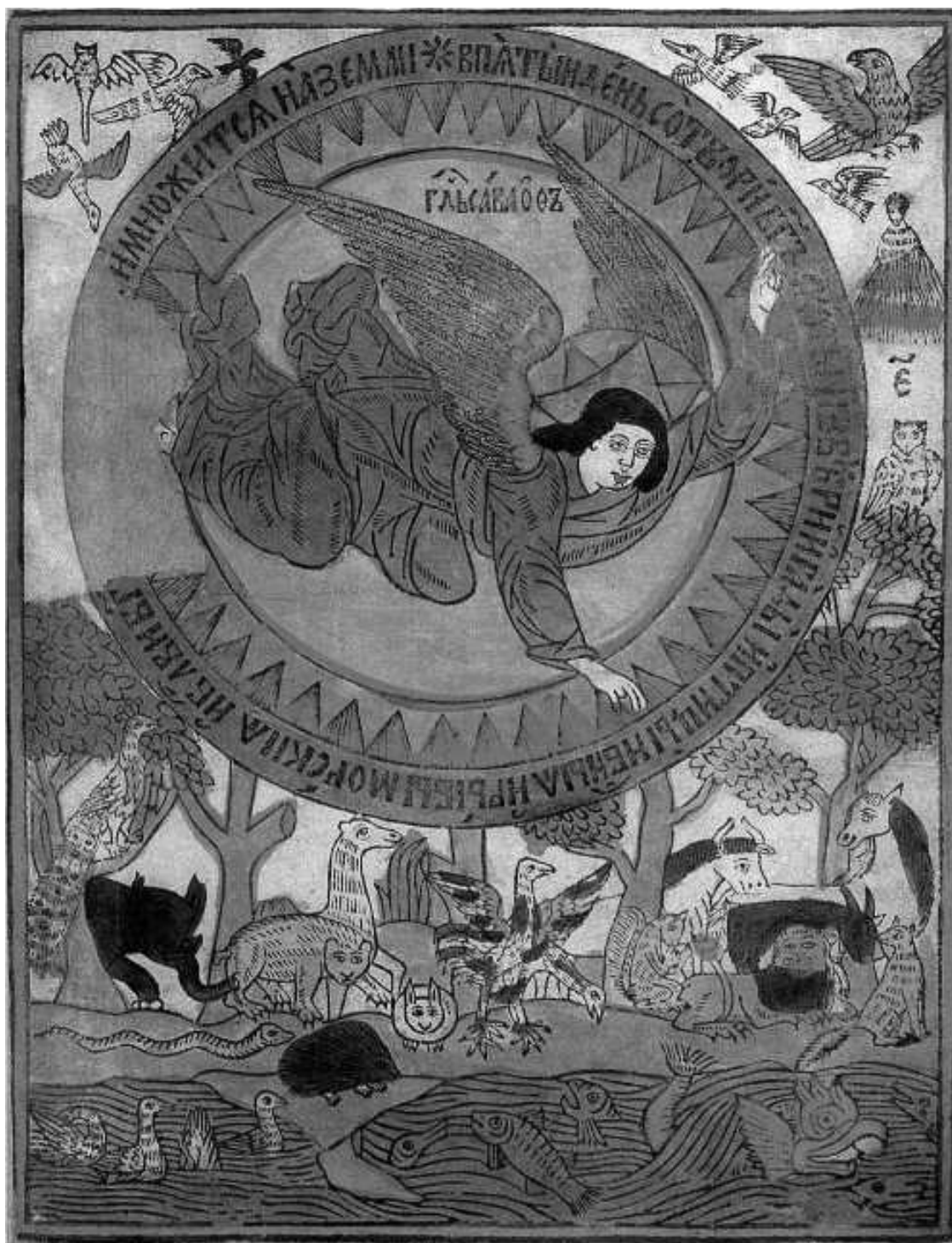
Далее: в Библии говорится о том, что Творец одобряет свет, который Он создал, одобряет мир, который Он создал. Это передается еврейским словом *тов*, что значит «прекрасное», «доброе», а в конце говорится: *тов меод*, то есть «весьма доброе», «весьма прекрасное» и «совершенное».

Но не сказано это о тьме. Бог разделяет свет и тьму. И впервые появляется намек на то, что в мироздании есть некая тень, которая отбрасывается предметами. Разумеется, священный

автор имел в виду вовсе не ту тень, которую сейчас, допустим, я отбрасываю на стене, а тень во внутреннем мистическом смысле, если хотите, в этическом смысле: в мироздании появляется нечто, какая-то фальшивящая нота, то, о чем Творец не может сказать, что это есть *мое*, то есть «добро».

Таким образом, уже в Шестодневе мы находим первый намек на какое-то катастрофическое, неблагоприятное развитие мироздания. Но этот катастрофизм не мешает осуществлению высшей задачи, мир идет к некой цели.

Три этапа: в первый день – свет, второй день – воды, третий день – суша и растения. Параллельно по образности, по картинности: свет – светила, четвертый день; воды – водные существа, пятый день; суша и растения на суше – животные на суше и человек, день шестой. Здесь отражена и поэтическая симметрия Востока. Три элемента: неживая материя, жизнь, человек. Это есть восхождение, которое кончается удивительным существом, существом, которое стоит на грани двух миров: мира материального и духовного.

V день творения. Библия Василия Кореня. 1696 г.

Если каждое измерение, каждый этаж бытия создается непосредственно Божественным Словом, то здесь, при сотворении человека, мы читаем: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими...» и так далее⁴. Таким образом, в мироздании появляется новое существо, которое подобно Творцу, и богоподобие прежде всего – это власть над миром, власть не грубая, не насильственная, а власть мудрости и разума.

⁴ См.: Быт 1,26.

Многие толкователи, отцы Церкви говорили о том, что это распространяется и на личную жизнь человека, потому что каждый носит в себе целый зверинец страстей, там есть все: и хищники, и пресмыкающиеся, – и это также должно находиться под властью человека.

И наконец: человек создается в один день с животными. Значит, он связан с ними, он является их братом. Человек получает во власть землю. И дальше в библейский рассказ включается другая мелодия.

Во второй главе, когда уже рассказаны шесть дней Творения, возникает иной аспект, более иконописный, более архаичный, более непосредственный образ: пустынная, голая земля, и из праха земного создает Бог человека, то есть не из чего-то материального, а именно из пыли земной, из самого ничтожного. Но человек тем самым становится телом своим единосущен земле, природе. И Он вдунул в его лицо, в его ноздри «дыхание жизни, и стал человек душою живой»⁵.

Вспоминаются слова Державина о человеке:

Частица целой я Вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей Ты телесных,
Где начал Ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной⁶.

В псалме 8-м говорится о том, как велико мироздание, как прекрасен свод небесный. И человек, глядя на раскинувшиеся над ним звезды, спрашивает: «Что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?» Человек тогда уже чувствовал свою физическую незначительность в мироздании. Еще тогда, когда он думал, что Земля – это плоский круг, сравнительно ограниченный, что Земля – это место совсем не столь обширное, как мы теперь представляем, и Вселенная тоже казалась ему небольшой. И все-таки он уже тогда понимал, что человек как существо мал и ничтожен, и вдруг псалмопевец говорит: «Не много Ты умалил его пред ангелами».

⁵ Быт 2, 7.

⁶ Из оды Г. Державина «Бог».

Сотворение человека. Библия Василия Кореня. /696 г.

Блез Паскаль говорил, что человек – это тростинка, ничтожный тростник, который бездушная, молчащая природа может убить в одно мгновение. И вот, нарисовав эту картину нашей беспомощности, показав, насколько легко биологически убить человека, Паскаль прибавляет: но эта тростинка мыслящая, и все силы мироздания, которые могут обрушиться на него, чтобы уничтожить, они не стоят человека, потому что они об этом не знают. Только он знает, что стоит перед лицом смерти, только он является носителем Духа.

Да, человек уже тогда понимал, насколько он близок к животным и растениям. В Экклезиасте сказано: участь человека и участь скотов одна. Да, действительно, мы все это знаем. Но в то же время тем контрастней то, что в это несовершенное существо вложен Вечный Дух.

Причем мы можем проанализировать весь тот «прах земной», из которого создан человек: это таблица Менделеева, вот она, в нас; это и физиологические процессы, которые совершаются в наших органах, которые двигаются и растут вне зависимости от нашей воли. Наконец, это есть в любом живом существе, которое дышит, ходит, спит, размножается, питается.

Одним словом, вся природа – в человеке. И никто из нас вот эту полноту природы, этот образ и подобие мироздания не выдумал в себе, а получил от Творца, поскольку мы являемся частью природы.

Но у вас, естественно, возникает вопрос: «А как же научные гипотезы?» На это я могу ответить совершенно ясно. Научные концепции являются предметом рассудка, аналитического разума. Если бы в Откровении человек получал такие знания, как закон Ома или теория Эйнштейна, тогда мышление ему было бы не нужно, все бы ему давалось в готовом виде, он превратился бы не в ищущее творческое существо, а был бы какой-то карикатурой на человека. У меня нет другого образа, другого слова: я вспоминаю гоголевский персонаж, который только открывает рот, чтобы туда в готовом виде попадала галушка. Тогда зачем человеку думать? Зачем нам вообще ум?

Бог для того и дал человеку мышление, чтобы он до доступных ему научных истин добирался сам, ошибаясь, находясь в поиске, споре, возвышаясь. Это благословенный процесс.

Каждый, кто занимается наукой, в той или иной степени знает, как много счастья и творческих мук приносит это восхождение в познании. Я бы ни за что не согласился жить в таком мире, где Бог в готовом виде все бы вкладывал мне в голову.

Но есть вещи, которые должны быть даны как дар, должны быть даны как откровение, вещи, которые, может быть, расходятся с нашим обыденным опытом. Вот тогда-то и происходит то, что и произошло: на фоне всех великих языческих космогоний явилось библейское Откровение.

В простой, картинной, поэтической, но очень строгой, очищенной от излишних художественных украшений форме это Откровение говорит о главном. И достаточно вспомнить, что вся библейская поэзия вращается вокруг темы сотворения мира: в псалмах мы постоянно слышим эту тему. Православная всенощная начинается с псалма 103-го – в нем говорится о красоте и величии мироздания, которое идет из разумной Причины, из разумного Начала.

Итак, человеку остается размышлять и искать. Существует много различных теорий: теория катастроф, согласно которой мир периодически ввергается во всемирные потопа и заново возникает жизнь, теория эволюции путем приспособления, теория эволюции путем естественного отбора, как у Дарвина, теория эволюции, опирающаяся на современные знания генетики, холизм, финализм. И я рад, что они постоянно будут сменять друг друга, открывая нам все новые пласты мироздания, и порой нам придется зачеркивать многое из того, что человек уже достиг своим разумом.

Но вечные слова останутся: «В начале сотворил Бог небо и землю». И все замирает: исчезают мифы, догадки, легенды, и говорит слово, которое может понять ребенок, которое может понять дикарь, которое может понять цивилизованный человек. Слово, которое звучало с космического корабля. Когда американский космонавт увидел Землю, он произнес в микрофон эти слова: «В начале...» – «In the beginning God created the Heaven and the Earth». Эти слова прозвучали в космосе.

Моисей перед Купиной.

Мозаика в монастыре св. Екатерины. *Синай VI в.*

Закljučить этот краткий обзор я хочу советом, рекомендацией. Я хочу сказать всем людям, знакомым и незнакомым с Библией, верующим и неверующим, что не надо искать науки там, где говорит Откровение. Оно говорит не о научных данных, а о чем-то другом, более важном.

Всегда вспоминаются слова знаменитого астронома Иоганна Кеплера: «Это величайшее злоупотребление Священным Писанием искать в нем то, чего в нем нет, искать в нем научные истины». Через столетие и Ломоносов писал о том, что дурно поступает химик, который по Псалтири хочет изучать химию. И это действительно так.

Откровения и символы, сущность жизни, ее цель и конкретные пути генетического развития человека, эволюции тела от мельчайших существ в первобытном океане до совершенного человекоподобного тела, которое получило в вечный дар разум, дух, сознание, – этот дар не от природы.

Обшарьте всю нашу Землю и все окрестности! Прекрасно, когда космонавты говорят, что не видели ангелов. Да, действительно, если бы где-то Дух жил, в жерлах вулканов или на дне моря, мы бы сказали, что человек получил его из вулкана, из лавы или со дна морского. Дух дан нам из другого измерения. И когда говорят, что вот человека вскрывали, и там не было духа, так там его и не может быть, потому что глаз никогда не может увидеть невидимого.

Мы можем видеть только мозг, только нервную систему, только физические вещи, те вещи, которые поддаются нашим шести чувствам и восприятию различных аппаратов. Но совесть... Нет такого аппарата, который показал бы нам цвет нашей любви, ненависти и тоски; нет такого аппарата, который бы показал самосознание человека, то есть то, что делает нас людьми, что определяет нашу свободу, что в конце концов является и осью, и образом и подобием Вечности в смертном человеке, в смертном существе.

*Лекция прочитана 19 января 1989 г.
в ДК «Октябрь»*

Пролог Книги Бытия

Библейская тема неисчерпаема, необъятна, о ней можно говорить много, долго, но сегодня мы остановимся только на одной теме: Пролог Книги Бытия.

Тем, кто не знает, я напомним, что первая книга Библии, первая книга Ветхого Завета называется в русской традиции Книгой Бытия. Мы с вами уже говорили о первой главе этой книги, о важных для всего дальнейшего содержания строках, которые называются Шестодневом и рассказывают о шести днях творения.

Вслед за этим идет Пролог, занимающий более десяти с лишним глав и посвященный ответу человека на великую тайну гармоничности мира – благости жизни – этого священного дара. Как человек ответил на этот дар?

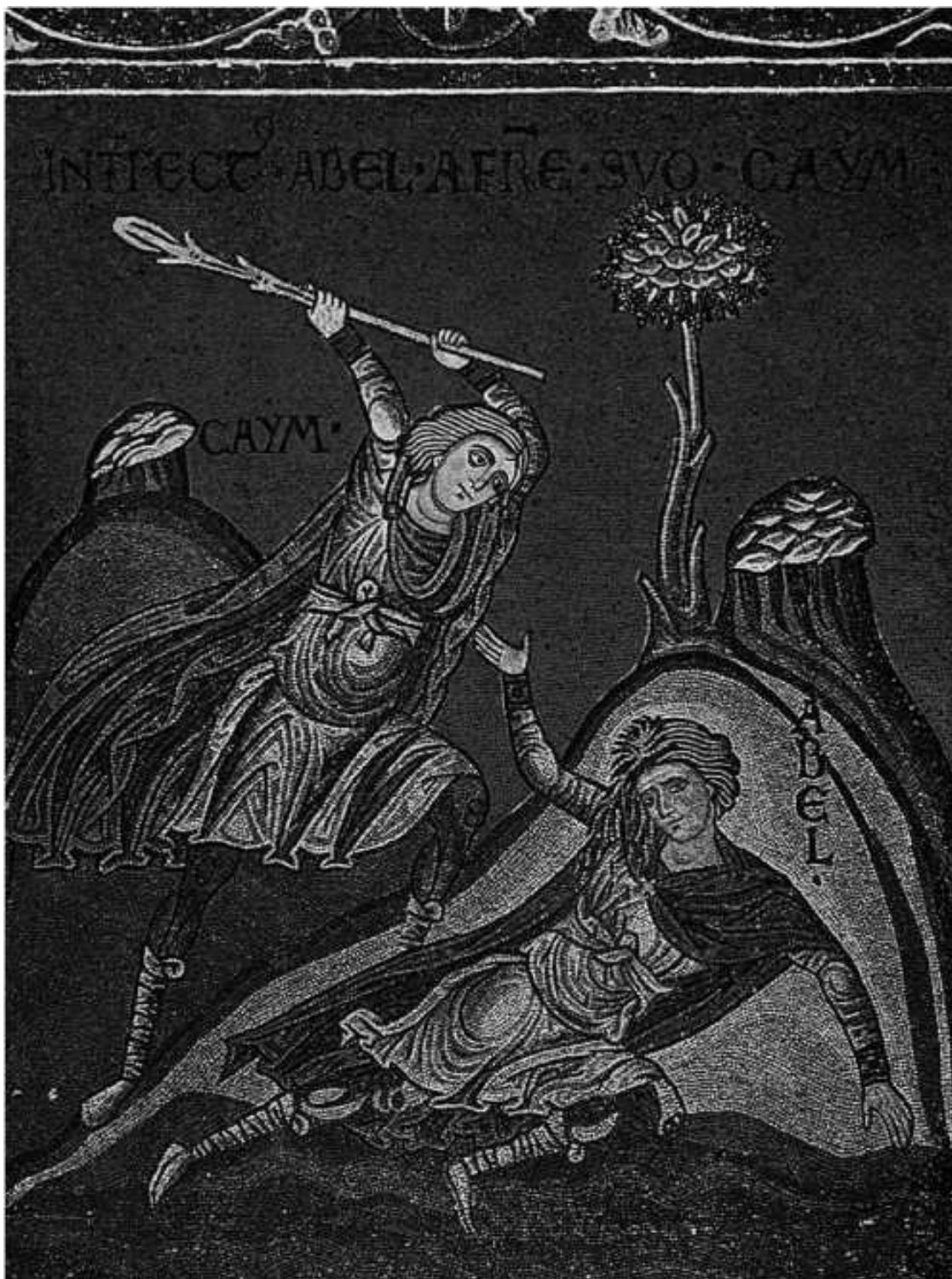
Иногда мы, люди XX века, – да и в XIX веке было такое заблуждение, – думаем, что цивилизация сильно испортила людей, сильно извратила их совесть и сознание. Это, конечно, справедливо. Но не надо думать, что дикий, нецивилизованный образ жизни сразу делает человека чистым, нравственным и благородным. Это неоправданный романтизм. Это своего рода новая мифология, которая ведет свое происхождение от Жана Жака Руссо. Надеюсь, вы все знакомы с его произведениями и его представлением о том, что Бог создал все прекрасно, а человек все портит. Звучит ярко, парадоксально, но убедительно, и все-таки это не совсем так.

Руссо считал, что первоначальный, первобытный человек – это райское существо. Такую райскую жизнь искали художники и поэты. Вспомните о Гогене, который уехал на Таити, чтобы найти там первоначальный эдем. Вспомните Оленина, героя Льва Толстого, который хотел уйти от цивилизации, слиться с природой. Вспомните, наконец, пушкинского Алеко, который хотел «презреть оковы просвещения» и вернуться к первобытному образу жизни. Но все убеждаются, что это невозможно, что страсти продолжают играть и там, где «оковы просвещения» довольно слабы.

В чем же дело? Библия отвечает нам на этот вопрос: нам мешает не просто цивилизация, хотя она много несет в себе зловещего и разрушительного, не просто развитие техники и всевозможных условий для лучшего быта, а нечто темное, что находится в самом человеке. Это вовсе не клевета на нашу природу, это честная констатация того, что есть на самом деле.

Пролог Книги Бытия говорит о восстании человека против благого Творца, восстании человека, которое привело его к различным катастрофам. Люди поверхностно и наивно понимают эти библейские строки, эти вечные строки о грехопадении Адама, о первом братоубийстве, о Каине, который убил Авеля, об исполинах, которые развратили цивилизацию так, что зло стало вопить к небесам и потоп обрушился на землю, и о той знаменитой Вавилонской башне, которая стала символом вызова, брошенного в Небо.

Все это – четыре акта единой драмы, которую мы можем назвать драмой мятежа. Драмой человеческой свободы, направленной против зла. В нашу повседневную культуру, в наш язык, как бессмертные фрески, вошли эти вечные сказания.

Убийство Авеля Каином. Мозаика. Собор в Монреале

Вы все хорошо знаете такие крылатые выражения, как «запретный плод», «Вавилонская башня», «Ноев ковчег». Они у нас на языке, в литературе, в публицистике. А знаете ли вы, откуда взят знаменитый «голубь мира», голубь с оливковой ветвью в клюве? Из сказания о потопе и Ное: этот голубь принес весть о том, что потоп окончен.

Прежде критики Библии, историки, философы пытались оспаривать содержание этих рассказов, утверждая, что они не исторические. Но Священное Писание – это вечная мудрость, а вовсе не рассказ о жизни первобытных людей и стародавних наводнениях. Геологические

катастрофы и быт древних людей любопытны, конечно, недаром многие интересуются литературой про Атлантиду.

Но Библия хочет нам рассказать совсем не об этом. Она пользуется красками великих древних восточных легенд и создает вот эту, как я сказал, фреску для того, чтобы все поколения, все народы могли увидеть единую истину, каждый на своем уровне, и философ, и младенец, и дикарь, и цивилизованный человек. Примитивное мышление идет по пути лакея Смердякова. Помните, как он говорил о Библии: «Про неправду все написано». Так вот, мы должны оставить эту точку зрения и подойти к священным строкам совершенно иначе.

Адам и Ева олицетворяют всех нас, воплощают в себе весь человеческий род и – ставят под сомнение благость Творца.

Змей, некое таинственное существо, очень осторожно подходит к нам и говорит:

– Правда ли, что вам запрещено вкушать отовсюду, от любого плода этого чудесного сада?

– Нет. – отвечает Ева, – мы всюду вольны. Вот только есть одно дерево – познания добра и зла – вот от него мы не должны вкушать, ибо Бог сказал нам, что если мы вкусим, то смертью умрем.

– О нет, не умрете, – говорит Змей⁷.

Значит, Бог лжет.

– А вы станете, как боги, знающие добро и зло, – говорит Змей.

Что это означает? В древнееврейском языке слово «знать» обозначает также «владеть», «уметь», «властвовать», «обладать» и даже «любить». Это особое слово, которое трудно переводится на европейские языки. Значит, это дерево власти, владычества, обладания, а не просто какого-то теоретического знания, вроде научных истин.

Обладания чем? «Добро и зло» – это идиоматическое выражение, которое означает «все на свете». Иначе говоря, это древо символизирует все, весь мир, созданный Творцом, и власть над миром можно, оказывается, получить не через Творца, а как-то независимо от Него, противопоставляя свою волю Его воле.

Этот образ поднимается над временем, пространством, над всеми культурами. Нам, людям XX века, этот образ очень хорошо знаком. Мы знаем, что означает стремление к власти, неодухотворенной власти над природой. Неодухотворенная власть над природой привела к попиранию природы, уничтожению ее, к тому, что она – наше материальное лоно – уже не в состоянии больше нас кормить и выдерживать.

Увы, мы сегодня уже не знаем, в каком положении будут наши дети и внуки. Ученые с каждым днем выдвигают все более грозные прогнозы. Мы не знаем, к чему приведет владычество существ, которые забыли о духовном центре, о духовном ориентире, а ищут только власти. Я помню, во дни моей юности был такой лозунг: «Мы не можем ждать милости от природы, взять их у нее – наша задача». Эти слова приписывали Мичурину; может, он это и сказал, не задумываясь особенно над последствиями. Но эти слова по своей нравственной, духовной сути тождественны тому, что произошло в библейском сказании.

Власть над миром... И тогда уже человеку не нужен Творец, и тогда не нужна ориентация на вечное. Тогда он сам себе бог. Змей говорит: «Вы будете, как Бог (или как боги). Вы будете владеть добром и злом». И Ева смотрит на этот плод и вкушает, а за ней – Адам. И что же они увидели?

Тут глаза их открылись, и они увидели, что они наги, то есть они вдруг почувствовали свое сиротливое бессилие, стыд перед миром, перед Богом, они стали жалки. Вместо власти (Змей их, конечно, обманул) они не получили ничего.

И дальше разворачивается сказание. Оно ставит вопрос о покаянии. Бог не обличает Адама, а говорит: «Где ты? Где ты, Адам?» А он спрятался. И мы видим картину, подобную

⁷ Ср.: Быт 3,1–7.

сцене в детской комнате. Бог прогуливается по саду Не забывайте, библейский автор прекрасно знал, что Бог нигде не гуляет. Это образ. Он ходит по саду и говорит: «Где ты, Адам?» А Адам спрятался.

Тогда Бог все же спрашивает: «Может, ты вкусил с этого дерева?» И вместо того, чтобы сказать, что да, вкусил, Адам отвечает: «Ты Сам виноват, это жена, которую Ты мне дал, это она меня научила». Жена тоже не берет на себя ответственность, она говорит: «Это Змей, вот кто виноват, это он меня надоумил».

Покаяния нет. И ломаются отношения между Творцом и человеком, и человек должен вернуться к Нему, восстановить эти близкие отношения, пройдя свой, свободный, но горестный путь.

В Евангелии есть притча, великая, бессмертная притча о блудном сыне. Вы ее знаете. Вероятно, многие видели знаменитую картину Рембрандта в Эрмитаже, в Ленинграде. Сын ушел от отца, все промотал, и когда ему совсем уже нечего было есть, он вернулся к отцу, думая, может, он примет его, как слугу. Но отец встретил его как сына: увидев еще издали, он выбежал ему навстречу.

Такова судьба человечества, цивилизации, мира. Потому что история блудного сына – это всемирная история.

Как отец в притче не сказал ни слова сыну, не укорил его (а по понятиям того времени уйти из дома, взять часть имущества значило нанести ущерб семье), ни слова не сказал, все дал и молча проводил, так и Творец – отделяет от себя человека, и человек уходит в свой путь, путь познания мира, но уже другой, горький путь познания. И земля уже отныне не друг его, он вступает с ней в борьбу.

Следующий этап драмы. У Адама рождаются два сына. Эти два сына – не просто какие-то отдельные люди, это олицетворение двух типов первоначальной культуры.

Простой пастух Авель, который не имеет дома, который странствует по степям и по лугам со своими овцами. Авель – это имя означает пыль, дым, мираж, призрак, но, видимо, это человек, который возлюбил Вечность, который, принося Богу жертву, вместе с ней приносит свое сердце.

Что означала жертва? Приглашение Бога на трапезу. Человек, который готовил себе ужин, призывал Бога, чтобы Он пришел и разделил с ним его трапезу. Человек пытался восстановить разрушенное единство, разрушенный союз, или, как это называется в Библии, Завет. Вот что такое жертва.

И Бог воззрел на жертву пастуха, скитальца. А на жертву земледельца, более цивилизованного, с нашей точки зрения, Каина, не воззрел. Почему? Библия прямо не говорит, но дальнейшее нам все проясняет. Ибо Каин хотел разделить с Богом трапезу и приносил плоды земли для того, чтобы получить какие-то особые дары. В нем действовал корыстный мотив, корыстный мотив вроде того, какой живет в магии: я буду волхвовать, я буду колдовать, я буду действовать и насильственно вызову какие-то эффекты, получу какие-то результаты.

Разве это древность? Разве это первобытный мир? Это – вечный мир. Таковы люди и сегодня. Все это в нас живет, и не только в нашем церковном обиходе, когда некоторые люди приходят и говорят, что им надо заказать молебен, но только для того, чтобы сделать то-то и то-то. Они как бы пускают в ход некий механизм, но без внутренней направленности сердца. Это живет в людях всегда, и, к сожалению, жить еще будет долго.

Итак, две жертвы, одна принята, другая – нет. Что же делает Каин, когда видит, что жертва не принята? Он пытается устранить со своей дороги того, кто ему мешает, – брата. Он убивает. Он тайно убивает его, думая, что Бог этого не видит. Теперь он остался один, и Богу ничего уж не остается, как прийти к нему.

И тогда раздается голос Творца: «Каин, где твой брат Авель?» Снова призыв к покаянию. «Каин, где твой брат Авель?» И ответ Каина, ставший тоже вечным, высеченный на черных стенах: «Разве я сторож брату моему?»

Вот первая драма свершилась. Человек как бы следует некоему новому религиозному сознанию, ведь жертва – это начало религии. Слово «религия» (от лат. *religare*) означает связь, связь Неба с землей, – человек хочет соединиться с тем, кого он потерял. И вот уже на этой почве возникают сначала зависть, ложь, и, наконец, смерть, братоубийство.

А почему Каин не получает немедленно воздаяния, возмездия? Потому что раз и навсегда в Библии дается указание, что Божественный промысл – это не автоматическая карательная инстанция, а это воля, создающая в нашем мире единый закон, единый нравственный миропорядок, и в нем все связано сложнейшим образом. Поэтому Каин уходит ненаказанный. Наказанием становится само зло, сам его грех, преступление, его одиночество, его изгнание.

И очень интересно, что именно потомки Каина, согласно Библии, создают первые начала цивилизации. Они, как повествует Библия, строят первые города, они изобретают первые инструменты. Для чего это рассказано? Для того, чтобы показать, что в цивилизации любого времени всегда была некая червоточина. Она зло не сама по себе, но в ней было что-то теневое и опасное.

И вот надвигается новый виток человеческого зла. Этот виток связан с магией и язычеством. Библия рассказывает об этом крайне символично. Небесные существа полюбили земных женщин, сошли к ним, вступили с ними в брак, и от этого брака родились исполины. Что это означает? В Библии часто брак является символом религиозного завета, связи. Когда говорится о Христе и Церкви, употребляются термины брака: Церковь – невеста Христова. Когда говорится о Боге и Ветхозаветной общине, тоже употребляется символика брака. А здесь люди вступают в брак с некими демоническими существами, которые, нарушив заведенный порядок, вторгаются в человеческий мир. И начинается волшебство и волхвование.

Согласно старинным легендам, возникшим еще до нашей эры, этот процесс – начало использования демонических, оккультных сил в целях человека, когда нечто черное вошло в человеческое сознание. И это достигает какой-то предельной точки. Разрушаются преграды, которые отделяют гармоничный мир от мира хаоса, – и воды потопа обрушиваются на землю. Потому что мир потерял смысл. Вы знаете, что в самом начале мир имел, согласно Библии, форму водной бездны. И вот снова – мир как будто возвращается к истокам – все гибнут.

Сейчас совершенно неважно, в какой степени это исторично. Тем, кто хочет узнать о подробностях этой катастрофы, я рекомендую прочитать прекрасную книгу Кондратова «Великий потоп, мифы и реальность»⁸, а также книгу Горбовского «Загадки древнейшей истории»⁹. Там все рассматривается с точки зрения любознательности: были ли глобальные водные катастрофы, которые потопили некогда высокие цивилизации. Вероятно, были. Но не в этом суть.

Суть в том, что человек достиг такого состояния, когда природа больше не выдерживала и стала уничтожать его. Но гибнут не все – кто-то остается. Как бы посеянное один раз человечество не уничтожается полностью, а продолжается.

И вот по волнам затопленного мира движется ковчег Ноя. В разных легендах он именуется по-разному: в Библии – Ной. Ковчег останавливается на Араратских горах, там, где потом появилась страна Урарту, в которой жили древние предки армян. И оттуда начинается расселение человека, от потомков Ноя – от Сима, Хама и Яфета. И дальше идут в Библии перечисления на несколько страниц имен потомков каждого из этих трех сыновей. Спрашивается,

⁸ Кондратов А. М. Великий потоп. Мифы и реальность. Л., 1982.

⁹ Горбовский А. А. Загадки древнейшей истории. М, 1971.

зачем это? Зачем эти причудливые и странные имена, которые тянутся друг за другом? Какое в этом назидание? Какой в этом смысл?

А смысл огромный. Это конкретное, зримое, понятное для поколения изображение человечества как единой, единокровной семьи, родословие, генеалогия которой можно изобразить почти графически. Все народы, которые только были известны тогда священному писателю, были включены в эту схему, в эту таблицу.

И это подтверждают впоследствии слова Нового Завета, где сказано, что от единой крови произвел Бог род человеческий. Мы все – не только духовно, но и кровно одно. Мы, говорящие на разных языках, живущие на разных концах земного шара, имеющие разную историю, – мы все кровные родственники, мы от одного корня, мы – братья и сестры.

Вы думаете, это легко было тогда утверждать? Тогда, когда были написаны эти строки, тысячи лет тому назад? Конечно, нелегко. Ведь и сегодня люди еще не доросли до этой древней истины, и уроки Священного Писания отнюдь не устарели. И хотя наука – этнография, антропология – достигла больших результатов и подтвердила библейское учение о единстве рода человеческого, тем не менее и сегодня расовые и национальные конфликты продолжают бушевать.

Несмотря на всю, казалось бы, архаичность этих сказаний, они являются вечным открытием, в котором каждый век может найти для жизни непреходящую мудрость.

И, наконец, завершается все это сказанием о башне. Как объединить людей, когда они уже имеют разные языки, разные традиции и обычаи, разный темперамент, разный облик? Есть два пути: взаимопонимание и братство или насильственное соединение. Таким насильственным соединением в древности, как и потом, были империи. Империи, построенные на власти меча.

В этих империях существовал такой словесный оборот, такое выражение: сделать людей другого города или страны говорящими на одном языке. Это вовсе не означало, что они действительно говорили на одном языке. Но это означало, что они, потеряв свою родину, становились просто анонимными подданными царя. Причем ассирийские, вавилонские и другие завоеватели очень часто устраивали массовые депортации. С какой целью? Чтобы перемешать население, чтобы погасить национальные очаги сопротивления, чтобы вообще убить национальную культуру и сделать людей одинаковыми, сделать «людьми одного языка».

И вот эту жестокую модель, но, увы, всем хорошо знакомую, мы находим в сказании о Вавилонской башне. Там сказано: «И был у них один язык и одно наречие». Собранные люди. Чем собранные? Любовью? Нет. Братством? Нет. Сотрудничеством? Тоже нет. Они собраны силой.

И для того, чтобы не рассеяться по земле (в нашем переводе сказано не совсем точно), они говорят: «Построим башню до неба, чтобы не рассеяться». Пусть всегда этот огромный монумент, этот гигантский дворец, поднимающийся к облакам, указывает на гордость завоевателей, величие человека. Величие очень спорное и сомнительное, но надо представить себе, когда это писалось. Имелась в виду плоская равнина Месопотамии. Вот на этой плоской равнине, где легко потеряться и заблудиться, поднимается многоступенчатый столп, башня. Столпотворение.

Таким образом люди, собранные в одном месте, не должны были потеряться.

О, наш век знает много таких Вавилонских башен!

А дальше неожиданный поворот. Когда люди стали строить уже витки к небу, Бог сошел посмотреть, что они там делают. Священный автор совсем не думал, что Богу нужны были какие-то ступеньки, что Он должен был смотреть чуть ли не в подзорную трубу на них. Нет, это образ. Но крайне выразительный. Ведь только мы думали о гигантской башне, которая поднимается до неба. И, надо сказать, что для примитивной цивилизации, которая была, скажем, 3–4 тысячи лет назад, девятистметровая Вавилонская башня была очень высоким сооружением. Она и навевала этот образ.

Поднимается башня к небу. И вдруг Бог смотрит – и где-то она там? И она сразу становится маленькой. Ему надо наклониться, Ему надо сойти вниз, чтобы разглядеть это «грандиозное» сооружение. И сразу притязания людей, гордыня человеческая и вечные замыслы Божественные оказываются совершенно несопоставимы. Бог смешал их языки, и они перестали понимать друг друга. И кончилось это строительство.

Человек на протяжении всех этих сказаний показан как повернувшийся к Божественной свободе спиной, и у нас возникает искушение спросить: так почему же Провидение не остановило человека? Почему оно не сказало: «Вернись немедленно, или ты погиб!» Да потому, что мы – образ и подобие Божие. Только в свободе, только испытав сами, что такое удаление от Истины, мы можем ее по-настоящему полюбить и столь же свободно к Ней возвратиться.

В этом заключается смысл драматического, я бы сказал, несколько мрачного Пролога Книги Бытия. Ибо ответ человека горек. Но нам остается надежда. Пусть многие говорят Богу: «Нет», Он находит людей, которые скажут Ему: «Да». Он находит людей, с которыми Он заключит Завет, и с этого начнется новый этап истории, который мы называем Ветхим Заветом спасения. А затем – Новый Завет. Но это уже другая часть Библии.

*Лекция прочитана 11 февраля 1989 г.
в ДК «Красная Пресня»*

Книга надежды. Пророки

Наша сегодняшняя тема условно называется «Книга надежды». Книгой надежды можно было бы назвать все Священное Писание, потому что оно насыщено надеждой, несмотря на то, что взгляд Библии на человечество, на состояние мира отнюдь не романтический и вполне свободный от идеализации. Это взгляд пристальный, реалистический, суровый.

Картина мира, которая предстает перед нами в Священном Писании, отнюдь не лакированная, отнюдь не далекая от реальности. Более того, часто эта картина бывает даже мрачной, и некоторые неподготовленные люди, открывая Библию и встречая там борьбу, убийства, войны, думают: «Что же это за книга такая, чему тут можно поучиться?» Но это и есть наша грешная, трагическая, человеческая жизнь.

И именно по контрасту с этим суровым и нелицеприятным изображением действительности Библия говорит нам о надежде с большой силой. И эта надежда светится еще более ярко на фоне того мрака истории и жизни, которую Библия изображает.

Сегодня хочу коснуться той части Библии, той части Ветхого Завета, которая по традиции называется Пророческими писаниями. Они являются средоточием одной из важнейших частей Ветхого Завета и на самом деле по праву могут быть названы в целом, в единстве своем Книгой надежды.

Кто же были авторы этих писаний? И когда они жили? О чем они писали? Почему их называли пророками? Что они предсказывали? Были ли они похожи на оракулов, предсказателей языческого мира, или на современных футурологов? О чем они говорили?

Во-первых, если рассматривать эти части Библии с литературной точки зрения – это великая поэзия. Пророки были крупнейшими поэтами своего времени, их поэзия – это поэзия мирового масштаба. К сожалению, перевод, которым мы пользуемся, старый перевод, недостаточно учитывает поэтическую структуру этих писаний, которая вырабатывалась многими поколениями. Это была особая поэзия, не совсем похожая на поэзию наших дней, на европейскую поэзию, на поэзию древних греков и римлян.

Там не было строгого размера, отсутствовала рифма (это довольно позднее явление), но там была музыка слова, игра аллитерациями. Звуки этих древних поэм звучали с необычайной силой. Конечно, в переводе, как в любом переводе, это пропадает. Давайте представим себе любое замечательное произведение русской поэзии в переводе на английский язык – мы никогда не сможем добиться точной передачи поэтической силы стиха. Трудно себе представить, скажем, строки Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» или «И пусть у гробового входа младая будет жизнь играть...» на другом языке. Будет совершенно другое звучание.

Когда пророк обращается к небесам и земле: «Слушай, земля, и внимайте, небеса, ибо Господь говорит», – это в переводе, конечно, литературно и музыкально снижено. Но, тем не менее, сила любой поэзии, будь то произведения Данте или Шекспира, или любого другого великого поэта, переходит через языковые барьеры и барьеры эпохи и становится живой. Именно поэтому книги пророков потрясали столетия.

Вы все знаете великое произведение Пушкина «Пророк»: «Восстань, пророк, и виждь и внемли...» – это отражение автобиографических строк из Книги пророка Исаии, из 40-й главы. Вспомните великие образы Микеланджело на плафоне Сикстинской капеллы (по репродукциям вы их все, конечно, знаете). Вспомните мистические, таинственные образы врубелевского пророка – человека, который внимает нездешним голосам. Это человек, который действительно встречает в своей жизни непостижимое и вынужден бедным человеческим голосом передавать слова Вечности.

Пророки появляются в момент, когда мир проснулся, мир пробудился от многовекового сна, когда человек, ждавший всего от природы, вдруг понял, что он сам, человек, возвыша-

ется над природой, и понял, что есть духовный мир, высший мир, который имеет к нему прямое отношение. Человек начинает постигать истину не только в красоте и тайне окружающего мироздания, но и в бесконечных безднах собственного духа.

В это время проповедуют мудрецы Индии, Китая: Будда, авторы Упанишад, Майтрейя, Лао-цзы, Конфуций. В это время появляются греческая философия, античная трагедия.

Какой великий век, точнее, несколько веков! До сих пор мир живет, питаясь из этого источника. Все, что было сказано тогда, в основе своей актуально и сегодня. Все концепции, традиции, все течения в искусстве, духовные религиозные откровения и поиски – все это, так или иначе, было начато в ту грандиозную эпоху, которую один из мыслителей нашего времени справедливо назвал «осевым временем».

Эти великие учения, великие концепции, великие творения искусства и литературы создавались в больших цивилизациях, а библейские пророки находились на крошечном пятнышке, между молотом и наковальней, – между огромной Ассирийской империей и Египтом. Это был крошечный Ханаан, древнеизраильское царство, вдобавок расколовшееся пополам; карликовое государство Ближнего Востока, с ослабленной царской властью, которая не могла сопротивляться голосам оппозиции, свободному выступлению вестников Божественной воли.

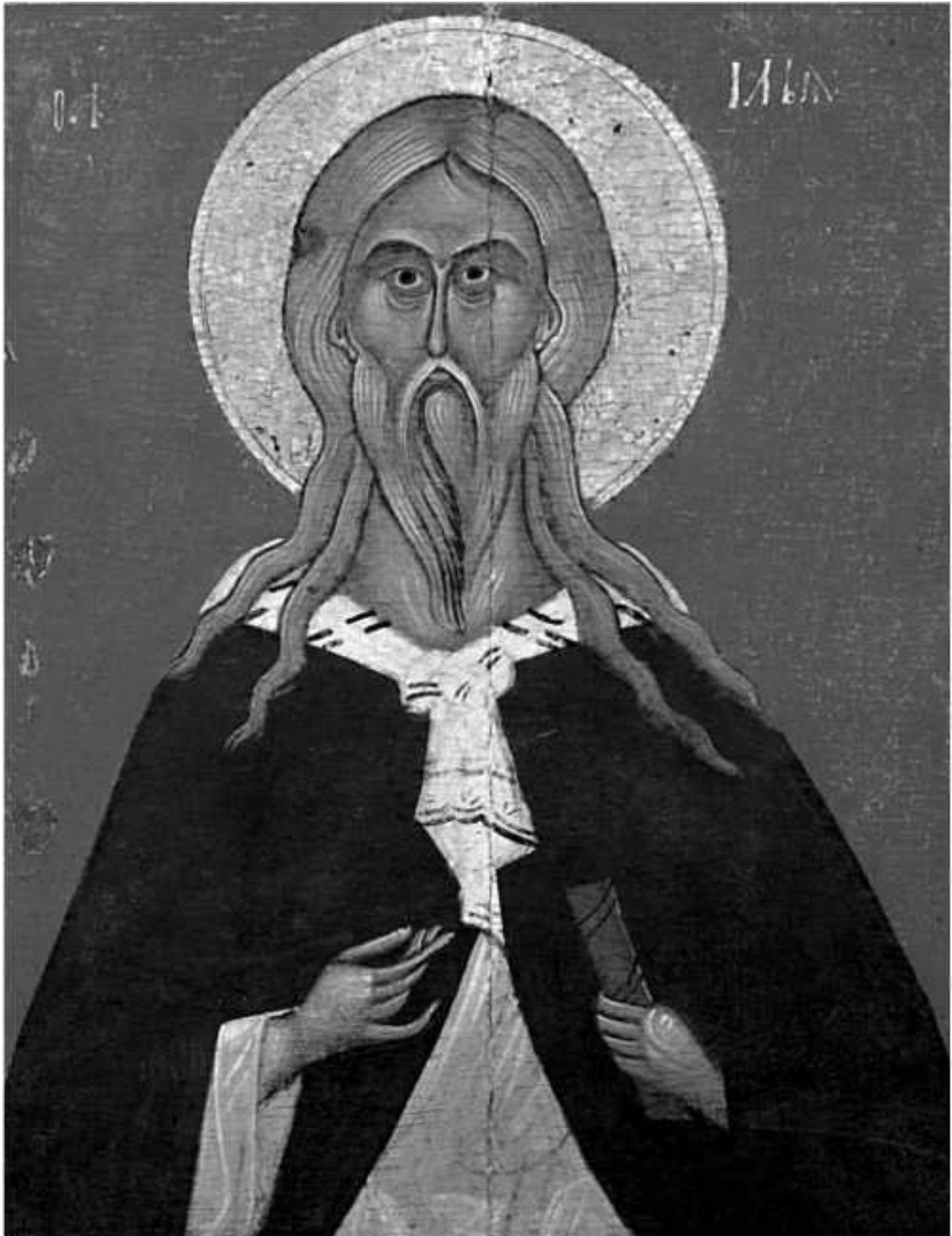
Да, велики были в то время достижения философии, политики, науки, религиозных деятелей, но ни один из них не видел будущего для человечества. Ибо все они надеялись только на одно: что мир в конце концов кончится и уйдет обратно в ту бездну, из которой вышел. Каждый представлял это по-своему, и это неудивительно, потому что человек всегда находился под огромным впечатлением неизменности циклов природы: как неизменно всходило солнце, неизменно сменялись фазы Луны, так неизменно шла человеческая жизнь, от юности к старости; как неизменно сменялись времена года, так все возвращалось на круги своя – вот общее мироощущение человечества во все столетия.

Но для пророков открылось нечто совсем иное: они увидели мир, летящий к цели, как некая стрела, пущенная неведомой, таинственной рукой. Мало того, в мире было много различных древних обрядов, традиций, ценностей, и только пророки первыми поняли, что если за этим стоит Дух, тогда только это имеет свое значение.

Примечательно, что первый пророк не был писателем-профессионалом. Были такие прорицатели во всех странах, у всех народов, были они и в древнем Иерусалиме, и в Самарии. Но первым, кто записал свои слова, был пророк Амос, пастух из южной пустыни близ Вифлеема. Он пришел на праздник, когда народ приносил Богу жертвы, веселился, пел, когда народ переживал обыкновенную житейскую радость, которую испытывают люди, собравшиеся вместе.

И вдруг Амос появляется и говорит, что Богу не нужно это, напрасно люди думают убаюкивать Его своими приношениями. Его слова звучат странно, они звучат почти непонятно оскорбительно. Священник, который служил при алтаре, подходит к нему и говорит: «Пророк, иди и пророчествуй у себя дома, а здесь – царское святилище», А он отвечает: «Я не пророк и не Сын Пророческий (то есть я не принадлежу к этой касте). Я пас овец, и вот Бог меня призвал, и я пришел сюда»¹⁰.

¹⁰ Ср.: Ам 7, 12–15.

Пророк Илия. Новгородская икона. XV в.

Слово «пророк», по-древнееврейски *нави*, по-гречески *профётос*, означает того, кто призван говорить от чьего-то лица – это герольд, вестник. Пророк – не предсказатель, предсказание будущего – одна из граней пророческого служения. Пророк – это удивительный человек, в котором сочетается яркое человеческое самосознание с открывающимся ему голосом Божиим.

Мистик, он созерцает божественное единство, как бы отрешаясь от своего «я», он растворяется в вечном океане духа, уходит туда, освобожденный не только от бремени материи и

тяжести жизни, но и освобожденный от личностного самосознания, от своего «я». Между тем, пророк, встречаясь с Божественным ликом, никогда своего «я» не теряет.

В этом смысле очень характерно то место у Исайи, которое Пушкин интерпретировал в стихотворении «Пророк». Пророк стоит и молится в Храме, во дворе Храма, и вдруг с его глаз как бы падает завеса, и он видит, что все покрыто огнем, все объято каким-то необыкновенным духовным пламенем, и Бог является ему как царь, восседающий на престоле. Исайя говорит: «Я должен погибнуть, потому что мои глаза видели Господа»¹¹. Но Бог не говорит ему: «нет, ничего, ты не погибнешь», потому что эта встреча, действительно, роковая и огнесжигающая.

И только одно делает Бог, Он посылает некое крылатое существо, серафима (серафим означает «пламенный»), который заменяет у него уста и очи, и тогда он может подойти, и подойдя, слышит голос, который спрашивает его: «Кто пойдет? Кто пойдет возвестить Мое слово?» И Исайя отвечает: «Вот я. Пошли меня». Он этого хочет! Понимаете, происходит встреча между «я» и «Ты», соприкасаются две воли, человек соучаствует в великом созидании.

Приходит Амос, его прогоняют, но он записывает свои слова, и этот маленький пергамент или папирус кладет начало пророческой литературе. Потом ученики собирают листки и сшивают. О чем он говорит? Он говорит о том, что человек призван служить прежде всего Творцу, отдаваясь Его воле своим нравственным усилием.

«Мне не нужны ваши жертвы, праздники, всесождения, – говорит Господь, – пусть вместо этой крови потечет правда и справедливость. Научитесь делать добро, и тогда действительно ваша жертва будет угодна Богу»¹².

Кто хочет понять смысл и дух этой проповеди, взгляните в собрание стихов (стихи сейчас легче достать, чем Библию) Алексея Хомякова, поэта и философа XIX века, там есть прекрасное стихотворение «По прочтении псалма», строки, навеянные пророками и псалмопевцами. Прочитайте, и вы поймете, в чем заключались дух и сила этой проповеди.

Грозный суд возвещает пророк Амос. Не надо думать, что это суд юридический, что это судилище, что это какой-то Божественный нюрнбергский процесс над человеком. Ничего подобного. Суд – это бессмертная, бесконечная любовь, которая идет к человеку, встречает его. И когда Божественная любовь соприкасается с человеком, происходит как бы разряд молнии, потому что свет соприкасается с тьмой, чистое с нечистым, абсолютное добро со злом. Вот это называется Суд.

Суд по-гречески звучит как «кризис». Это важно для нас всех, потому что Христос сказал: «На суд пришел Я в мир сей»¹³. Когда мы проходим перед Его правдой, судится наша злоба, наша неправда. Страшные слова...

¹¹ Ср.: Ис 6,3.

¹² Ср.: Ам 5, 24; 14–15.

¹³ Ин 9, 39.

Пророк Амос. Миниатюра из Книги пророков XIII в. Библиотека Ватикана

Почти в то же время приходит второй пророк. Это происходит в VIII веке до Рождества Христова. Второй пророк был, по-видимому, священнослужителем. Это человек нежной души, человек трагической судьбы. Он любил женщину, которая была неверна ему. Она ушла от него,

бросила, опозорила, но он продолжал ее любить и готов был принять ее обратно в свой дом, что по обычаям того времени было совершенно неправдоподобно, невозможно.

И вот Бог открылся ему как вечная любовь. Народ Божий, то есть Ветхозаветная церковь, отворачивается от Бога, народ служит только себе. А ведь это вечная модель: от Бога требовались только дары – «Поддай, Господи», – а то, что человек Ему должен отдать, – «Сын мой! отдай мне сердце твое»¹⁴ – об этом люди не думали, не стремились к этому.

И вот пророку открывается тайна Божественного страдания. Оказывается, Тот, Кто стоит над миром, страдает за нас. Оказывается, что мы Ему нужны, и наша измена, наш уход от Него причиняют ему боль. Оказывается, узы, которые нас связывают с Высшим, они настолько крепкие, что Бог может страдать, страдать за нас и от нас.

И этот пророк, его зовут Хошия, в русской и греческой транскрипции Осия, символически описывает свою личную драму и потом показывает, что и Бог так же ждет кающихся, как он ждал свою беспутную жену, ждал и любил ее. И еще от лица Бога он сказал бессмертные слова: «Милосердия хочу, а не жертвы».

Бессмертные слова, которые потом повторил Христос, чтобы объяснить суть своего отношения к религиозным традициям, обрядам и жертвам: «Милости хочу, а не жертвы»¹⁵.

Надо подчеркнуть, что пророки говорили всегда от лица Божия, в первом лице, «Я» – это значит, говорит Бог. В мировой религиозной практике это очень редкий случай. Пророки переживали соприкосновение с Вечностью таким образом, что становились как бы медиумами, как бы носителями Божией воли, и они говорили:

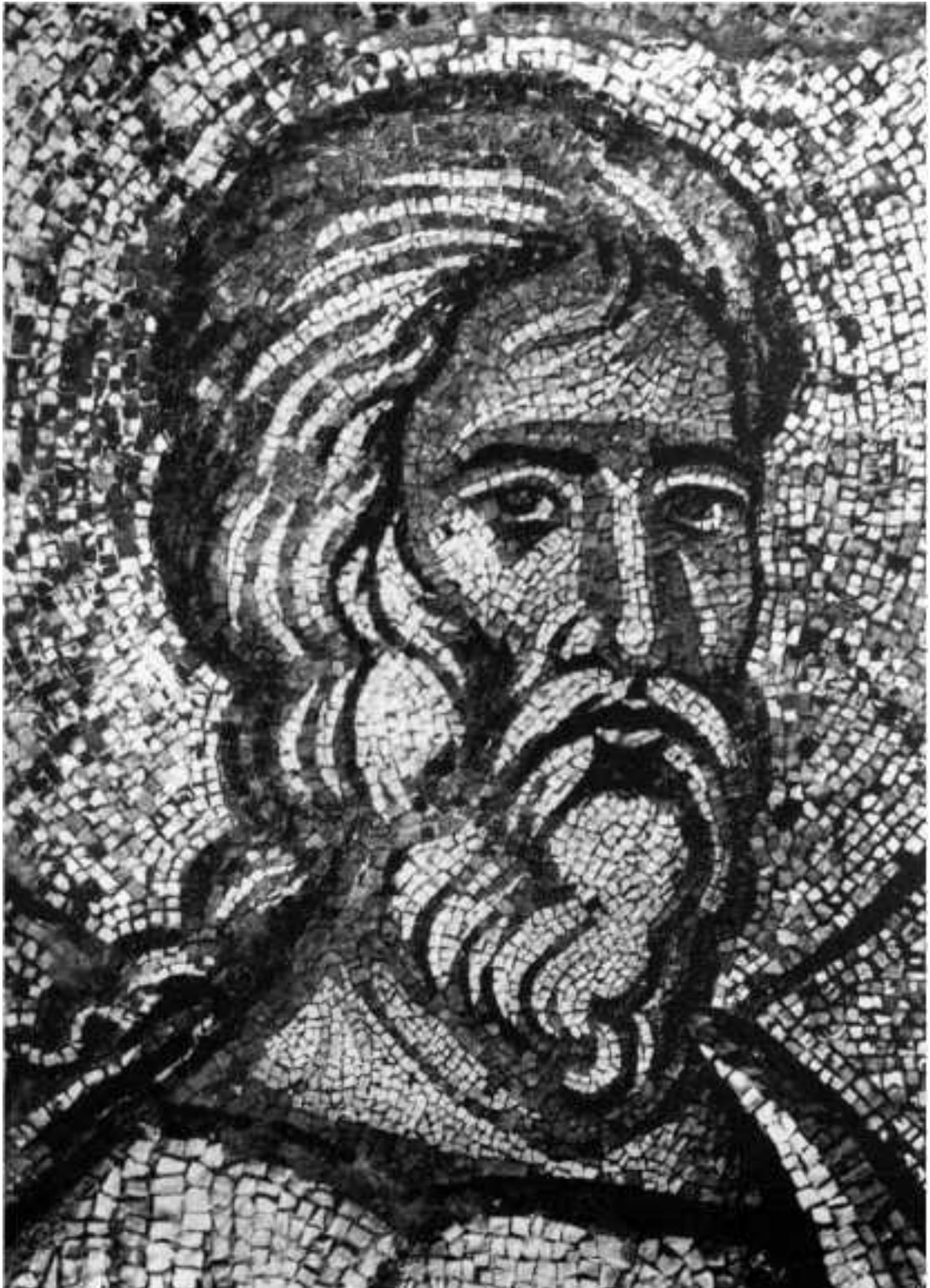
«Тако глаголет Господь» – так говорит Бог, и начинали говорить от первого лица: «Милосердия, милости хочу, а не жертвы». Все знали, что это говорит Бог, а не человек. Более того, очень часто у пророков возникал конфликт между их собственной волей, между собственными желаниями, понятиями и стремлениями, и тем, что внушал им Господь. Это одна из удивительных черт пророческого служения, которая потом особенно ярко проявится у пророка следующего поколения, у Иеремии.

В том же VIII веке появляется пророк Исая. И если Амос учит о Божием суде, если Осия учит о Божественной любви, о том, что никакие обряды не могут заменить доброты, доброжелательности, человечности, милосердия, что это первое и главное, то Исая говорит о спасении, которое Бог несет миру. Спасение... Но спасение от чего?

Пророки ясно сознавали, что мир находится в состоянии катастрофы – тогда, как и теперь. Тогдашний мир, может, он был более ограничен географически, но он был охвачен мировыми для того времени войнами. Кавказ, Ирак, Иран, и тут же рядом Африка, Египет, рядом острова европейской части, Малая Азия – все было охвачено войнами.

¹⁴ Ср.: Притч 23, 26.

¹⁵ Ос 6, 6; Мф 9, 13; 12, 7.

Пророк Исайя. Мозаика в церкви Панагии Паригоритиссы. Арта, Греция

Непрерывные завоеватели шли то в одну сторону то в другую, они гнали тысячные колонны военнопленных, которые терпели пытки и голод, огромные армии чиновников творили беззаконие...

Люди прекрасно понимали, что есть закон, есть правда, но никто ее не соблюдал.

В этот катастрофический момент, когда мир как бы содрогался от ударов зла, пророк Исайя возвестил о грядущем Царстве Божием, о том, что не вечно в человеческом мире будут

царствовать безумие и тьма, он заговорил о спасении мира от зла и приобщении его к высшей Божественной жизни. Во главе этого Царства встанет Царь совсем не такой, каким Его обычно видели люди. Это не мститель, не коронованный властитель, а это Некто таинственный, Кто приходит, чтобы примирить всех людей, Кто приходит без насилия, а сила Его заключается в силе духа. «И почиет на нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия»¹⁶, – вот Кто идет, вот Кто этот Царь.

На древнееврейском языке «царь», «помазанник» – это *машиах*, по-гречески – *христос*. И Исайя в VIII веке до Рождества Христова первым заговорил именно об этом грядущем Помазаннике. Он называл его разными символическими именами.

Первое имя Эммануэль, что значит «С нами Бог»¹⁷. И эти слова Исайи мы повторяем в церквах в день Рождества Христова. Есть даже специальный церковный гимн: «С нами Бог, разумеите, языцы, и покоряйтесь, яко с нами Бог», – это взято из пророка Исайи. В другой раз он говорит о Младенце, Который рождается в мир, и «нарекут имя Ему: Чудный Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира»¹⁸.

Но надо сказать, что пророки не были созерцателями, отшельниками, людьми, которые прятались от действительности. Не были они и мечтателями – это были активные политические борцы, люди, которые во всей мощи своих человеческих дарований выступали как трибуны, как поэты, как писатели, как советники царей. Согласно традиции они выступали в Храме и во время богослужения произносили, по-видимому, нараспев свои стихи в присутствии царя, вельмож, говоря им прямо в глаза обличительные слова от лица Бога.

Это были очень важные моменты: Исайя пытался повернуть общество, повернуть Ветхозаветную церковь на путь служения и добра. Он укорял людей за то, что они получили столько даров Божиих в виде истинного единобожия, истинных нравственных заповедей Моисея, и они все это забыли. И он восклицает: «вол знает господина своего, и осел знает его, а вы не знаете»¹⁹, получается, вы хуже скотины, которая была приручена человеком. Вам Бог повелел, а вы не захотели Его слушать.

Исайя, как и Амос, говорит от лица Божия: «Не нужны Мне ваши праздники, ваши возжигания, ваши жертвы; когда вы молитесь, когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; ваши руки полны крови. Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих. Перестаньте делать зло, научитесь делать добро»²⁰. Это очень смелые слова, и для того времени – и для нашего.

Древнерусские летописцы и древнерусские писатели очень часто подражали пророкам, следуя по их пути. Нестор-летописец, Максим Грек, протопоп Аввакум – все они говорили народу, Церкви то же самое, говорили о дарах Божиих, о том, что столько было дано, но все оказалось тщетным из-за косности и жестоковейности людей.

Пророки были живой совестью народа, но, как всегда, роль таких глашатаев бывает подобна судьбе Кассандры. Вы знаете, что в древнегреческих легендах Кассандра была предсказательницей, она предсказывала правду, но никто ей не верил. Пророки говорили о том, что если люди не обратятся, то будет катастрофа.

Они говорили это тогда, их слово звучало потом, их слово звучит сегодня, и миллион раз катастрофы приходили. Когда человек попирает духовные ценности, в конце концов он расплачивался за это. Не потому, что Бог наказывает, подобно какому-то судье, а потому, что таков нравственный миропорядок: то, что мы сеем, то мы и пожинаем. Это очень важно.

¹⁶ Ис 11, 2.

¹⁷ Ис 7,14.

¹⁸ Ис 9, 6.

¹⁹ Ср.: Ис 1, 3.

²⁰ Ср.: Ис 1, 11–17.

И в конце жизни пророк Исайя, уже будучи старым человеком, казалось бы, уже не веря, что можно что-то сделать, говорит удивительные слова. Все-таки он не теряет надежды: он видит, что приходит время, что придет оно, когда «перекуют мечи на орала» – вы все знаете эти слова, они тоже стали крылатыми, – что кончится злоба на земле, и весь мир преобразится, и волк ляжет рядом с ягненком.

Человек обретет единство с природой и с Богом. Природа стала его врагом, но она снова станет ему другом, и будет новый Эдем. Та экологическая драма, которая терзает историю человечества, разрешится внутренним духовным переворотом человека. Пророк говорит об этом образно: ребенок будет играть около норы гадюки, и ничто ему не повредит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.